

Цобкало А.А., Атрушкевич М.М.

УДК 947.64 «1941/1944»
DOI 10.54016/SVITOK.2023.40.63.003

ОСОБЕННОСТИ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (БССР) В 1941–1944 ГГ.

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей нацистского режима Третьего рейха на оккупированной территории Беларуси (БССР) в 1941–1944 гг. В ней также идет речь об особенностях содержания советских военнопленных в лагерях на территории Беларуси в данный период. Автор статьи раскрывает особенности отношения нацистского режима Третьего рейха к советским военнопленным в БССР в 1941–1944 гг.
Ключевые слова: БССР, территория Беларуси, политика, оккупированная территория, нацисты, советские военнопленные, лагеря, оккупационный режим.

*Andrey Anatolevich Tsobkalo,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belarusian State
University of Culture and Arts, Associate Professor of the Department
of Intercultural Communications, Minsk, Rabkorovskaya str., 17, e-mail:
andreystsobkalo@mail.ru*

*Atrushkevich Marat Mikhailovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Academy
of Management under the President of the Republic of
Belarus, Associate Professor of the Department of Social,
Humanitarian, Historical and Legal Disciplines, Minsk,
Krasnoslobodskaya str., 15, e-mail: maratmih@mail.ru*

FEATURES OF THE NAZI REGIME OF THE THIRD REICH ON THE TERRITORY OF BELARUS (BSSR) IN 1941–1944.

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the Nazi regime of the Third Reich in the occupied territory of Belarus (BSSR) in 1941–1944. It also deals with the specifics of the detention of Soviet prisoners of war in camps on the territory of Belarus during this period. The author of the article reveals the peculiarities of the attitude of the Nazi regime of the Third Reich to Soviet prisoners of war in the BSSR in 1941–1944.

Key words: BSSR, territory of Belarus, politics, occupied territory, Nazis, Soviet prisoners of war, camps, occupation regime.

После начала Великой Отечественной войны и нападения нацистской Германии на Советский Союз на оккупированной территории Беларуси (БССР) в 1941–1944 гг. немецко-фашистские захватчики ввели оккупационный режим или так называемый «новый порядок» — государственную систему политических, экономических и военных мер, направленных на ликвидацию советского строя, эксплуатацию национальных богатств и ресурсов, порабощение и уничтожение людей. Ее идейной основой была «расовая теория» нацистов, детально прописанная в книге А. Гитлера «Моя борьба» (Майн кампф), утверждавшая превосходство арийской расы над всеми другими народами, необходимость расширения «жизненного пространства» для немцев и массового уничтожения неполноценных народов (евреев, славян, цыган и др.)

Вся территория оккупированной Беларуси (БССР) была разделена фашистами на части. Территория Витебской, Могилёвской, большей части Гомельской и восточных районов Минской областей была включена в зону армейского тыла группы армии «Центр», где все административные функции выполняло военное командование Вермахта.

Южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей вошли в состав рейхкомиссариата «Украина». В генеральном округе «Волынь–Подолія» (Брест, Пинск, Кобрин, Слоним) с общей территорией 20200 км² проживало 750 тыс. человек, в генеральном округе «Житомир» (Мозырь, Лельчицы, Петриков, Ельск, Речица) с территорией 22600 км² проживало 550 тыс. жителей [1].

Северо-западные районы Брестской и Белостокской областей с городами Гродно и Волковыск были присоединены к Восточной Пруссии. Северо-западные районы Вилейской области отошли к генеральному округу Литвы.

Барановичская область, части Минской и Вилейской, северные районы Брестской, Пинской и Полесской областей составили Генеральный округ «Беларуси» («Белорутения»). Он был включен в состав рейхкомиссариата «Остланд» с резиденцией в Риге и разделен на 10 округ (гебитов). В каждой округе было несколько районов (крайсов), которые состояли из волостей, а волости объединяли несколько деревень [1, с. 56].

Во главу высшего органа оккупационной власти — Генерального комиссариата «Беларусь» — был поставлен гауляйтер Вильгельм Кубе, а после его уничтожения подпольщиками в 1943 г. — группенфюрер войск

СС Курт фон Готтберг. В округах образовывались гебитскомиссариаты, в городах — штадскомиссариаты. В волостях назначались волосные старшины, а в деревнях — старосты. Работу районных, волостных управлений и старост деревень направляли и контролировали комиссары, коменданты, зондерфюреры и т.д.

Рабочая сила из БССР рассматривалась в качестве экспортного товара немцами еще до начала войны против СССР. Германское министерство труда, военно-экономические министерства в четырех годовом плане заявляли о важности использования советской рабочей силы, в том числе и военнопленных. Вербовка среди белорусского населения нацистами началась в декабре 1941 г. Генеральный комиссар Беларуси В. Кубе в январе 1942 г. обещал выслать «третьему рейху» 18–15-летних работников села [2, с. 256].

Особенно тяжело в оккупации на территории Беларуси (БССР) приходилось советским военнопленным, попавшим в «котлы» окружения в начальный период Великой Отечественной войны в 1941 г. Условия содержания советских военнопленных были очень тяжелыми по сравнению с военнопленными европейских стран. К советским военнопленным нацисты относились не как к людям, а, скорее, как к животным. Они содержались в чудовищных условиях. Охрана лагерей для советских военнопленных на территории Беларуси была очень тщательной.

Так, например, один из солдат немецкой армии в своем дневнике детально описал смену караула в лагере военнопленных в г. Молодечно: «Когда темнело, пленных с помощью собак отгоняли от ограды к центру лагеря. Вечером в десять часов сменялась охрана, при смене передавали собак и оружие. Охранники поднимались по лестнице на вышку. При передаче оружия часовой, отстоявший свою смену, давал очередь в толпу пленных, согнанных в центр лагеря, как доказательство того, что он передавал исправное оружие. После этого заступающий на пост часовой лично сам проверял пулемет, давая очередь по толпе» [3]. При этом часть советских военнопленных погибала в результате этих действий.

Внутренняя охрана была представлена лагерными полицейскими из числа самих советских военнопленных. Идея создания лагерной полиции реализовывалась нацистами очень активно. Она прозвучала в донесении на совещании у начальника Управления общих дел Главного штаба вооруженных сил в Варшаве 4 сентября 1941 года: «Русский военнопленный далеко не такой хороший, как это кажется. Всеми средствами необходимо стремиться, чтобы при обращении с военнопленными соблюдалась в их отношении строжайшая дисциплина. Целесообразно создать

из военнопленных лагерную полицию. Командным составом в эту полицию должен быть назначен немецкий охранный персонал» [4].

В лагерную полицию советские военнопленные записывались по разным причинам: одни — чтобы выжить, другие — приспособиться к новой власти. Полицаяи, так их называли советские военнопленные, находились в привилегированном положении. Они получали улучшенный паек, жили в отдельном помещении, пользовались правом свободного перемещения по территории лагеря, были вооружены плетками и дубинками. Так, военнопленные шталага № 313 на территории Беларуси называли их «палочные полицаяи» [5]. Положение полицаяев в лагере описал бывший военнопленный шталага № 316 (Волковыск) К.И. Игошев: «Все полицаяи носили командирское обмундирование, насильно снятое с пленных, яловые сапоги и кожаные командирские ремни, на левом рукаве носили белую повязку с разными черными нашивками — в зависимости от занимаемого положения. Оружия немцы им не доверяли и даже не выпускали в город. Оружием служили дубинки и специальные плетки с вшитыми в наконечники металлическими предметами» [6]. Но даже это, на первый взгляд, достаточно безобидное оружие могло нанести серьезные увечья советским военнопленным. Кроме общей лагерной полиции, в каждом бараке для военнопленных в обязательном порядке всегда было от 3 до 5 полицаяев. Они разыскивали советских коммунистов, комиссаров, политруков, евреев — всех «нежелательных элементов». Охрана в лагере для советских военнопленных и вне его назначалась исходя из соотношения на 10 военнопленных — один немецкий охранник. Несмотря на большой штат охранников, время от времени советским военнопленным удавалось осуществить удачный побег, перейти на сторону белорусских партизан и продолжить активную борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

Так, например, широко известны следующие примеры таких побегов: это побег группы военнопленных из авторемонтных мастерских, артистов барака № 6 шталага № 352, побег из строительного отряда шталага № 337, массовый побег из шталага № 351. Для предотвращения побегов нацистское руководство принимало дополнительные меры по усилению контроля над советскими военнопленными при конвоировании их на работу и обратно, а также на рабочих местах. В целом, с советскими военнопленными фашисты обходились очень жестоко.

В соответствии с приказом Верховного немецкого командования «Об охране военнопленных» от 12 мая 1943 года были разработаны дополнительные меры по охране советских военнопленных. Так, в частности,

были определены задачи, обязанности, меры наказания охранников за побег военнопленных, указания для комендантов лагерей, дополнительные инструкции по организации инфраструктуры лагеря, правила поведения советских военнопленных в составе рабочих команд [7]. Комендантам фашистских лагерей, в частности, поступило указание проверить лагерь (на надлежащее состояние заборов, проволочного ограждения; необходимо было установить второй забор из проволоки, между двумя ограждениями оставить пространство в 1,5 м).

Все советские военнопленные должны были повторно отмечаться видимыми знаками отличия, которые крепились на верхнюю юбку или брюки. Усилена была и охрана лагерей для военнопленных, особенно рабочих мест. Постовым рекомендовали занимать такую позицию, которая позволяла бы видеть всю колонну пленных. Все надзиратели обязаны были оставаться на рабочих местах с военнопленными. В пытающегося сбежать после одного оклика советского военнопленного необходимо было стрелять. Оружие нацистские охранники всегда носили заряженным и держали в руке готовым к выстрелу.

На территории Беларуси (БССР) в 1941–1944 гг. также регламентировалось поведение советских военнопленных в составе рабочих команд. Любое удаление с указанного рабочего места или за пределы видимости постового строго запрещалось и рассматривалось как попытка бегства. В случае успешного побега наказанию подвергался весь лагерь военнопленных. Так, в частности, назначалась более сложная работа, советские военнопленные на 4 недели лишались дополнительных продуктов питания и табачных изделий.

Каждый лагерь на территории БССР характеризовался своей «внутренней жизнью», своим бытом. Имеются единичные примеры организации «лагерной самодеятельности», проведения богослужений, совершения православными священниками церковных таинств (шталаги № 352, 337, 342). Священники по разрешению коменданта лагеря могли служить молебны.

В своих воспоминаниях бывший военнопленный шталага № 342 А.И. Плешков писал, что в лагере был священник, который служил молебны, совершал требы [8]. В лагере № 352 в бараке № 6 (известен как барак артистов) военнопленными был создан хор. «Задача деятельности артистов — сплотить группу, настроить на побег, на борьбу, спеть и показать такой материал, после которого не захочется даже раненому отсиживаться за проволокой», — вспоминал бывший военнопленный барака № 6 А.И. Мягков [9]. В Белорусском государственном музее истории

Великой Отечественной войны хранится его блокнот с записями песен. Этот же барак артистов нацистская администрация шталага использовала и в целях пропаганды. Так, например, в 1943 г. состоялось заседание пропагандистов из числа белорусов, программой которого предусматривалось представление «Военнопленные играют для военнопленных». Одним из примеров антифашистской борьбы в лагерях для советских военнопленных является издание рукописной подпольной газеты «Пленная правда» бывшим военнопленным шталага № 352 С.П. Злобиным.

В целом, немецко-фашистские захватчики выстроили в каждом лагере иерархию среди военнопленных. Это можно проследить на основании документов и воспоминаний бывших военнопленных, хранящихся в областных архивах, краеведческих музеях в Республике Беларусь. Так, например, в достаточно привилегированном положении находились перебежчики из рядов Красной Армии. Их отделяли от остальных военнопленных, размещали в отдельных бараках, использовали в качестве вспомогательных охранников [10]. Далее шли коменданты бараков, полицейские из числа советских военнопленных, переводчики. На одной ступени находились такие категории военнопленных, как писари, кухонные рабочие, врачи, а также военнопленные артисты — все они получали больший продуктовый паек и были более защищены.

Таким образом, среднее звено в лагерях составляли военнопленные рабочих команд. Иногда этой категории пленных удавалось завести контакты с местным населением и осуществить побег. На самой низкой ступени иерархии военнопленных располагались физически обесиленные (военнопленные-инвалиды), женщины-военнопленные, евреи и комиссары.

Чаще всего после захвата в плен все эти категории советских военнопленных подлежали уничтожению. Несмотря на то, что женщины официально являлись военнослужащими Красной Армии, их приравнивали к партизанам и расстреливали согласно фашистскому плану «Барбаросса» № 3 от 29 марта 1941 года. Лишь в 1944 г. их положение изменилось, если в результате проверки не было обнаружено «ничего подозрительного». Тем самым они получали статус подневольных рабочих [11]. Советских комиссаров убивали согласно директиве верховного германского командования «Об обращении с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 года: «Политические комиссары, как представители руководства войск противника, опознаются по особому знаку на рукавах — красной звезде с золотым изображением серпа и молота... Их следует на поле боя отделять от других военнопленных и уничтожать» — указывалось в директиве [12 с. 105–106]. Евреев уничтожали согласно при-

казу № 8 начальника полиции безопасности и СД от 17 июля 1941 года [13], физически обессиленных пленных — на основе приказа фашистского генерала-фельдмаршала В. Кейтеля от 22 сентября 1942 года [14].

Таким образом, как мы видим, в первый 1941 год военных действий на территории Беларуси, когда нацистская Германия была уверена в реализации плана молниеносной войны с Советским Союзом, продовольственному, медицинскому обеспечению военнопленных, организации лагерей для них, а тем более сохранению жизни советских пленнх не придавали особого значения.

В целом, изменилась ситуация с военнопленными только весной 1942 г., но отнюдь не из гуманных, а из практических соображений. Нацистской Германии срочно потребовалась рабочая сила. Итак, нацистская администрация лагерей для советских военнопленных была вынуждена улучшать условия содержания: пленнх чаще размещали в бараках, появились бани, смертность стала снижаться.

Таким образом, лагеря для советских военнопленных являлись неотъемлемой частью нацистского режима на оккупированной территории Беларуси (БССР) в 1941–1944 гг. Они выполняли функции изоляции, устрашения и ликвидации военнопленных, широко использовали принудительный труд. Система управления советскими военнопленными выстраивалась в строго иерархическом порядке, что упрощало организацию работы в ведении дел военнопленных.

В целом, в каждом стационарном лагере для советских военнопленных был четко отлажен механизм руководства военнопленными. Охрану лагерей для военнопленных на территории Беларуси (БССР) несли войска вермахта, СС и СД, внутреннее управление, надзор осуществляла и лагерная полиция из числа самих советских военнопленных.

Таким образом, в период с 1941 по 1944 г. на территории Беларуси (БССР) нацистами творились неслыханные преступления и зверства. Грубо поправ принципы всех международных конвенций и обычаи ведения войны, растоптав все нормы общечеловеческой морали, фашисты повсеместно совершали зверские расправы над мирным населением, военнопленными, развернули массовое истребление людей.

За время оккупации фашисты провели в БССР более 140 карательных экспедиций, во время которых целые районы превратили в «зоны пустыни». Участь Хатыни, сожженной вместе со всеми жителями, постигла более 600 белорусских деревень. В целом, около 4800 населенных пунктов на территории Беларуси были уничтожены гитлеровцами с частью их населения. Огромное число жителей БССР — как гражданских

лиц, так и ставших военнослужащими Советской Армии — извело ужасы фашистских лагерей смерти. Только в самой Беларуси (БССР) в 1941–1944 гг. таких лагерей, их филиалов и отделений функционировало более 260 [15, с. 194].

Литература

1. Вялікая Айчынная вайна ў лёсе беларускага народа: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 23–24 крас. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А.Г. Кахановічкі (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2020. — 349 с.
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыклапедыя. / глав. рэд. И.П. Шамякин. — Мінск, 1990 — 680 с.
3. Кёрнер-Шрадер П. Дневник немецкого солдата (полевая почта № 01621) / П. Кёрнер-Шрадер. — М.: Воениздат, 1964. — С. 65.
4. Донесение о совещании у начальника Управления общих дел Главного штаба вооруженных сил в Варшаве 04.09.1941 г. // НАРБ. Ф. 1440, оп. 3, д. 917, л. 74.
5. Показания охранника лагеря Н.Н. Яриштофика // Государственный архив Брестской области. Ф. 514, оп. 1, д. 41, л. 6.
6. Воспоминания К.И. Игошева // Волковысский военно-исторический музей имени П.И. Багратиона. — Инв. № 777099.
7. Rundbefehl Nr 2, 12 Mai 1943. Bewachung der Kriegsgefangenen // НАРБ. Ф. 393, оп. 1, д. 144, л. 3–4.
8. Воспоминания А.И. Плешкова // Минский областной краеведческий музей. Ф. 1984, 1985.
9. Воспоминания А.И. Мягкова // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. — Инв. № 43756.
10. Обращение с перебежчиками. Из распоряжения Главного командования сухопутных войск от 07.03.1942 г. // НАРБ. Ф. 510, оп. 1, д. 73, л. 153–155.
11. Armeebefehl Barbarossa Nr.3, 29.06.1941 // ВА-МА. — RH 26–45/22.
12. Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост. Заставенко Г.Ф. [и др.]; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. — 3-е изд. — М.: Экономика, 1985. — 328 с.
13. Приказ № 8 начальника полиции безопасности и СД от 17.07.1941 г. об основных направлениях работы оперативных команд в постоянных и пересыльных лагерях // НАРБ. Ф. 510, оп. 1, д. 78, л. 29–33.
14. Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. / А. Шнеер. — М.: Мосты культуры, Иерусалим: Гешарим, 2005. — 624 с.
15. Коваленя А.А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие / А.А. Коваленя и др.; под ред. А.А. Ковалени. — Минск: Изд. центр БГУ, 2020. — 231 с.